

О встрече с Богом

В прошлом месяце мы праздновали двенадесятый (один из величайших 12-и) праздник Сретения.

«Сретение» в переводе с церковно-славянского значит «встреча». Праздник, посвященный встрече Богомладенца святым старцем Симеоном (названным в честь этого события Богоприимцем, и которому Ангелом было предсказано, что он не умрет пока не увидит, как сбудется пророчество Исаии о рождении Спасителя от Девы) очень символичен. Все, что касается домостроительства нашего спасения, пронизано сквозной темой встречи.

Говоря о человеке как о венце творения, мы имеем в виду и такое свойство как соединение в себе двух миров, двух начал – небесного и земного, духовного и материального. Изначально данные при сотворении человеку, но вследствие грехопадения будучи расторгнутыми, разведенными, эти начала вновь встречаются и воссоединяются. Но процесс воссоединения протекает небезболезненно. Ибо «отвыкло» земное в человеке от небесного. Слишком уж много в этом земном начале (которое тоже от Бога) укоренилось греховного, не просто иноприродного духовному началу, но именно противящегося (родоначальник греха сатана, что по-еврейски значит «противник») Богу. **Обратите внимание: греховное не свойственно земному, оно всеяно в него и укоренилось; оно не в природе земного, но паразитирует на нем, прикидываясь «природной ветвью».**

Но корни греха в человеческой природе все же глубоки. Поэтому встреча земного и небесного в нас далеко не всегда проходит столь гармонично как при зачатии Приснодевой по архангельском благовестии Того, «Которого не вмещают небеса», или как при описанной в Евангелии *встрече*, которой посвящен этот праздник. Необходим труд, подвиг и, в частности, пост.

Пожалуй, можно сказать, что вся нравственность христианина формируется в его личной встрече с Богом. Но было бы поверхностно думать, что встреча с Богом – это лишь момент некоего «осенения» благодатью, когда человек открывает для себя Бога, а вернее, когда Бог открывается ему, дарует ему драгоценнейшее сокровище веры. Нет, встреча с Ним это не разовый случай, не единичный момент, но вся наша жизнь, которая усеяна некими проблесками обнаружения Его присутствия в наших сердцах, «судьбоносными» событиями. И вовсе не всегда мы Его узнаем. Порой, не узнав, гоним прочь (хорошо еще, если *не потому, именно, что узнали*). Иные люди так до конца жизни и не узнают Его, подобно тем из Его единоплеменников, о которых Он плакал перед входом в Иерусалим. Так же и многие из нас, не узнавая Его, одни равнодушно проходят мимо или «просят

отойти от их пределов», другие хватаются за камни, требуют смерти Того, Кто посмел называть Себя Сыном Божиим, а значит (в современной ситуации), претендует на то место в нас, которое мы уже давно распределили между бесчисленными идолами-страстями...

Как же определить, распознать нашу встречу с Богом?

В притче о Страшном суде (Мф. 25; 31 – 46) Господь образно описывает разделение человечества на «благословенных Отца» и «проклятых», сравнивая с тем, как пастух разводит в разные стороны овец и козлов (которые паслись вместе). Каков признак, каков критерий, какова та «роковая» точка – на основании чего происходит суд? На основании «прихоти» Всемогущего (как представляется некоторым)? – Нет. Может быть аскетические подвиги – посты, множества поклонов, строгое соблюдение в мирской жизни монастырского устава? – Тоже нет. Аскетика – средство «обработки» души, приведения ее в состояние свободное от груза страстей. Но это лишь средство, способ, искусство приобретения добродетели.

Встреча с Ним – вот момент, определяющий наше спасение или погибель. А эта встреча происходит всякий раз, когда нам предоставляется возможность оказать любовь человеку. И наше отношение к ближнему, к одному из «малых сих», а не «Божественный произвол» определяет нас в ту или иную сторону. Понятно, что, идя по жизни, мы не единожды выбираем то спасение, то погибель, но главное, чтобы нам вовремя обнаруживать свое уклонение и вновь направляться на спасительную стезю. «В чем застану, в том и сужу». И замечательно что: спасаемых от погибающих отличает не то, что первые «догадались», что, вот, их посетил Бог, «сориентировались» и послужили Ему, а вторые оказались менее сообразительными. Нет – и те и другие удивляются: «Когда?..». Не тем они отличаются, что одни знали, что Бог есть, а другие только теперь это с удивлением обнаружили. И не то их отличает, что одни делали добро, а другие творили зло – о злодеях речь не идет. **Нравственно определяющим к гибели является не только активное, осознанное злодейство, а то самое отношение, которое как никогда прежде присуще нам – равнодушие.** Не ненависть даже, не безумная жажда зла и разрушений, что, впрочем, также все сильнее распространяется в наше время, но всего на всего *не-любовь* – пассивная, «незлая», «цивилизованная».

«Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем, – пишет в своем первом послании св. апостол Иоанн Богослов. – Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх; потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершенен в любви. Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас. Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (1 Ин. 4; 16 – 20). «Бог есть любовь» и встреча с Ним происходит всякий раз, когда мы имеем

возможность осуществить (именно: осуществить, а не только почувствовать) любовь. Это и возможность уклониться – в любви нет принуждения силой или хитростью. Но в этом выборе и вершится суд – мы своим отношением к ближнему демонстрируем кто мы в отношении ко Христу.

Любовь Божия действует в нас тройственным образом – в отношении Самому Богу, к себе и к ближним.

Любовь к Богу особо проявляется в усердии к молитве, в бережном хранении православных догматов с готовностью на любые жертвы, но если она не побуждает нас любить себя и ближнего – то неуместно говорить и о любви к Богу.

Любовь к себе – это желание блага себе, стремление к достижению этого блага, но какого блага? Если высшее наше благо мы полагаем не в Боге и не осознаем, что нашими благодетелями являются все те, по отношению к кому нам предоставляется возможность проявить любовь (в т.ч. и враги наши, которых «по-человечески» нам бы следовало ненавидеть), если мы изо всех сил стремимся достигать удовольствий и избегать страданий (любой ценой, с помощью хотя бы всевозможных «целителей» и «ясновидцев») то это лишь себялюбие – дьявольская маска любви к себе.

Любовь к ближнему – желание блага ему, но как мы понимаем это благо? Уклоняемся ли мы в крайности, то заботясь лишь о его духовном преуспевании, пренебрегая земными потребностями, то суетясь по поводу устройства его земного счастья, забывая об основных потребностях его души (которой скорби нередко лишь во благо) – все эти уклонения происходят, во-первых, от недостатка любви к Богу (отчего теряется истинное понимание ценностей), а, во-вторых, от недостатка истинной любви к себе (отчего мы перестаем заботиться о состоянии своего сердца), что, в свою очередь, является закономерным следствием оскудения любви к Богу.

Вот и получается, что все наше спасение определяется нравственным выбором, а нравственность обнаруживается ВСТРЕЧЕЙ. И когда земное отвечает небесному «да» – совершается соединение этих двух начал, проникновение Божественным человеческого, иначе называемое «обожением». Но не так, чтобы вот – я, а вот – Бог и больше никого. Под религиозным образом жизни понимается не только двустороннее индивидуальное мистическое общение в молитве, личное «предстояние Богу», не только непосредственное, но и опосредованное общение в Нем – через перенесение отношения к Нему на Его образ – на себя и на своего ближнего (быть может врага, но все же ближнего) и на все Его творение.

Мы встречаемся с Богом в молитвенном Ему предстоянии, но с Ним же мы встречаемся, когда Он, промыслив о нашем спасении, дает нам возможность уподобиться Ему в деятельной любви. Любовь переживается нами как чувство, но она не столько чувство, сколько действие. И питается любовь проявлением себя не как чувства, но как жертвы. Любя Бога, нам в радость жертвовать и самой жизнью земной, ради пребывания в

Нем; любя себя, нам не в тягость жертвовать преходящими удовольствиями, всем, что нам дорого на земле: лишь бы не утратить главного своего блага – благодати Божией; любя ближнего, мы без сожаления жертвуем своим покоем, удобствами, даже жизнью, порой не церемонимся и с самим ближним если от нас требуется ради его блага проявить строгость, рискуя тем самым потерять его расположение, что бывает дороже всех прочих земных благ, и в то же время нам в радость ради примирения с ним, преодолевать свое тщеславие, самолюбие, так как всеми этими жертвами питается в нас любовь, которая от Бога и к Богу.

Цель встречи Бога с человеком – спасение. Достижение цели определяется нашим нравственным выбором.